

**Традиции арабской рукописной книги:
шрифт, архитектоника текста
и его библиографическое описание**

Н. И. Сериков^{1а}, С. А. Французов^{2, 3, 4б}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ НИУ Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>, e-mail: nikolajserikoff@gmail.com

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3945-8898>, e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

Резюме: в статье рассматривается феномен средневековой арабской и арабографической рукописной книги. Несмотря на большое количество описательных работ, посвященных этому вопросу, их авторы, на наш взгляд, не дали четкого перечня тех критериев, которые отличают арабскую книжную рукописную традицию от прочих средневековых рукописных традиций Запада и Востока. Методологически работа базируется на принципах имманентного анализа феномена, выработанных русской и советской филологическими школами в начале прошлого столетия применительно к анализу литературных произведений. Авторы настоящей статьи пришли к выводу, что структурообразующими компонентами феномена арабской средневековой рукописной книги являлись: 1) арабский шрифт, а также обусловленные им 2) архитектоника текста арабской рукописной книги и 3) специфика арабского библиографического описания. По мнению авторов, эти три компонента определяли арабскую (арабографическую) рукописную книгу на всем протяжении ее существования: с IX в. по Р.Х. по настоящее время на территории от Восточной Европы до Индонезии. Полученные результаты позволяют понять, что отличало книгу, принадлежащую к арабской рукописной традиции, от рукописных книг, возникавших в то же время и в том же регионе, как, например, коптских или сирийских.

Ключевые слова: язык, арабский; письмо, арабское; книга, рукописная, арабская; книга, рукописная, арабская, ее структура

Для цитирования: Сериков Н. И., Французов С. А. Традиции арабской рукописной книги: шрифт, архитектоника текста и его библиографическое описание. *Ориенталистика*. 2020;3(3):591–618. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-591-618.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Arabic Manuscript Book Traditions: Script, Space Arrangement of the Text and Bibliographical Description

N. I. Serikoff^{1a}, S. A. Frantsouzoff^{2, 3, 4b}

¹ *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

³ *National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation*

⁴ *St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

^a *ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2760-6312>, e-mail: nikolajserikoff@gmail.com*

^b *ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3945-8898>, e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr*

Abstract: the article deals with the phenomenon of medieval Arabic manuscript book or a book written in Arabic script in non-Arabic language. Despite the large number of works where this phenomenon was analyzed, their authors did not provide a clear list of the criteria, which are specific to the Arabic manuscript book tradition in comparison to other medieval manuscript traditions of the West and East. Methodologically, the work is based on the principles of the “immanent analysis” of the phenomenon developed by the Russian and Soviet philological schools at the beginning of the last century in relation to the analysis of literary works. The authors of this article came to the conclusion that the structure-forming components of the phenomenon of the Arabic medieval manuscript book were as follows: 1) the Arabic script, as well as 2) the architectonics of the text of the Arabic manuscript book and 3) the specific features of the Arabic bibliographic description. The authors believe that these three components identified the Arabic (arabographic) handwritten book throughout its existence: from the 9th century AD to the present and from Eastern Europe to Indonesia. The results allow us to clearly understand what distinguished a book belonging to the Arabic manuscript tradition from manuscript books that were transcribed at the same time and in the same region, such as Coptic or Syriac.

Keywords: language, Arabic; script, Arabic; book, manuscript, Arabic; book, manuscript, Arabic, structure of

For citation: Serikoff N. I., Frantsouzoff S. A. Arabic Manuscript Book Traditions: Script, Space Arrangement of the Text and Bibliographical Description. *Orientalistica*. 2020;3(3):591–618. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-591-618.

Введение

Под арабской (средневековой) книжной рукописной традицией мы понимаем передающуюся из поколения в поколение совокупность навыков и практик, способствовавших становлению и оформлению арабской книги – главного инструмента, при помощи которого прирастало интеллектуальное богатство арабской культуры как в мусульманской, так и в христианской среде, и – равным образом – в иных средах, где использовался арабский шрифт. Описание арабской книжной традиции включает рассмотрение способов фиксации на письме арабского устного тек-

ста, а также механизмов сохранения и передачи знания при помощи этих способов. Главным образом, речь пойдет об арабском письме, архитектонике написанного при его помощи арабского текста (т. е. особенностей его расположения на листах писчего материала) и способах традиционного библиографического описания.

Место возникновения и распространения средневековой арабской книги – государства Ближнего и Среднего Востока. Населявшие их люди говорили не только по-арабски, однако с VIII в. н. э. в подавляющем большинстве они пользовались арабским шрифтом. Именно арабский шрифт обусловил ту систему оформления, которая отличала арабскую книгу от современных ей византийской, коптской или сирийской. Поэтому под «арабской книгой» мы понимаем книгу, текст которой написан арабским шрифтом независимо от языка самого сочинения.

Некоторые положения в предлагаемой вниманию читателя статье в сокращенном варианте были изложены в нашей работе в составе каталога выставки «Кисть и калам», изданного к 200-летию коллекции Института восточных рукописей Российской академии наук [1].

Язык и шрифт

Арабский язык относится к числу североаравийских языков, многие из которых, по крайней мере с конца первой половины I тысячелетия до н. э. (лихйанский, тайманитский, сафаитский), обладали собственной (эпиграфической) традицией. Однако в своей наиболее ранней форме арабский текст зафиксирован только в самом конце I тысячелетия до н. э. Древнейший письменный памятник, составленный на арабском, или, точнее, староарабском, – это надпись на могильном камне 'Иджла, сына Хб'амма, из рода Ґалвāн. Она была обнаружена саудовскими археологами в 1972–1975 гг. при раскопках городища Ґарйат ал-Фāв (города Ґарйат зāt Кахл^{им} – крупного центра трансаравийской торговли, расположенного на юге Внутренней Аравии). Надпись была выполнена южноаравийским монументальным письмом, и ее датировка рубежом н. э. основывается исключительно на палеографических критериях¹. До этого открытия старейшим арабским текстом считалась надпись, найденная в 1901 г. в ан-Намāре (в 100 км к югу от Дамаска) французскими ориенталистами Рене Дюссо и Фредериком Маклером и ныне выстав-

¹ См. факсимиле этой надписи и издание ее текста с переводом на французский и кратким комментарием: [2, р. 115–116, fig. 24], а ее детальный грамматический разбор: [3, с. 125–133]. Она экспонировалась в крупнейших музеях мира, в том числе в Лувре [4, р. 26 – фотография с переводом на французский; 5, р. 319, fig. 130 – фотография с переводом на английский] и Эрмитаже [6, с. 134, рис. 125 – фотография с кратким изложением содержания].

ленная в Лувре². Она представляет собой надгробие Имру' ал-Қайса, «царя арабов всех», и датируется 328 г. н. э. Написана она набатейским письмом (вариант арамейского консонантного письма), отличительной чертой которого является идентичное написание (омография) целого ряда алфавитных символов.

На основании сходства подавляющего большинства набатейских знаков с ранними арабскими была высказана гипотеза о происхождении арабского письма от набатейского. Она получила единодушное признание в немецкой арабистике, а под ее влиянием и в отечественной (см., например: [8, S. 166–170; 9, с. 13, 24–26]). Однако французские ученые вплоть до начала нового тысячелетия пытались отыскать, по меньшей мере, еще один источник арабской письменности в сирийском шрифте [10, col. 932–934; 11; 12, p. 127–128, 137; 13]. Речь даже шла об особом сирийском курсиве, который якобы возник на базе *эстрангелā* в канцеляриях ал-Хийры, столицы Лахмидского царства. Особое внимание при этом обращалось на определенное сходство форм сирийских *g, h, s, š* и их арабских аналогов (ср. **ا** и **ح**, **ه** и **و**, **س** и **ص**, **ع** и **س**). Попытка вывести начертание арабского *алифа* (ا) из сирийского натолкнулась на серьезные трудности, поскольку в *эстрангелā* этот знак (ܐ) не имеет ничего общего с вертикальной чертой, тогда как *сертō* и несторианский шрифт, *алиф* в которых (ʾ и ʿ) напоминает арабский, сформировались довольно поздно. Впрочем, по справедливому замечанию британского исследователя М. Макдональда, никому так и не удалось в деталях показать, как именно арабское письмо появилось из сирийского [14, p. 21, n. 42].

Конец дискуссии положили новые эпиграфические открытия, осуществленные в первое десятилетие XXI в. на территории Синайского полуострова и Северо-Западной Аравии, в первую очередь – на городище Мада'ин Сāлих и в местности Умм Джазāйиз. Там была обнаружена группа из 114 текстов III–V вв., получивших наименование «поздненабатейских». Тщательное изучение их палеографии позволило М. Макдональду и его французской коллеге Лайле Нэмэ (Ни'ме) сделать хорошо обоснованный вывод о том, что они представляют собой «недостающее звено» между классическим набатейским и раннеарабским шрифтом и что арабское письмо есть заключительная стадия в развитии письма набатейского [14; 15; ср.: 16, p. 2]. Ниже приведены близкие к арабским формы знаков, обнаруженные в набатейских текстах «переходного типа», включая лигатуру *лām + алиф*.

Сравнение некоторых из них, особенно *алифа* и *вāва*, с классическими набатейскими наглядно показывает, насколько их очертания стали напоминать те, которые принято считать арабскими.

² Репродукции ее копии и эстампажа с переводом на русский язык и детальным, хотя и устаревшим комментарием см.: [7, с. 23–27]. См. о ней также: [2, p. 116–117; 3, с. 141–152].

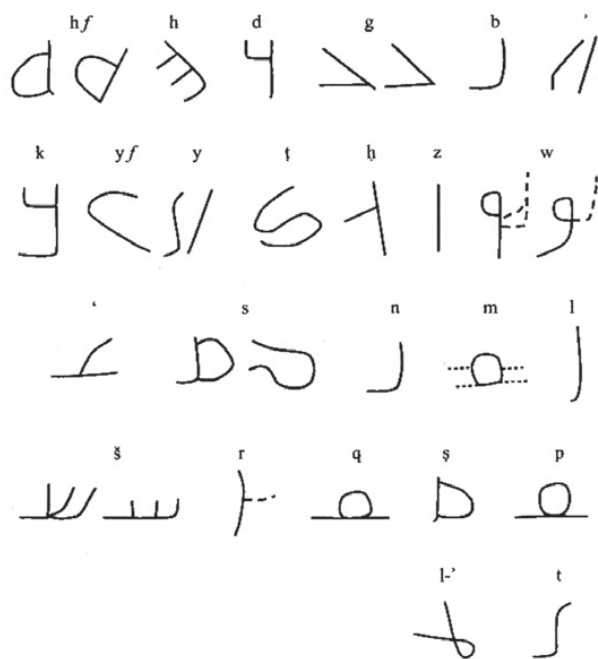

Рис. 1. Обобщенные формы типичных поздненабатейских знаков (f означает форму знака в конечном написании; по: [15, p. 64, fig. 19])

Fig. 1. Generalized forms of typical Late Nabataean signs (f means the shape of the character in the final position; according to: [15, p. 64, fig. 19])

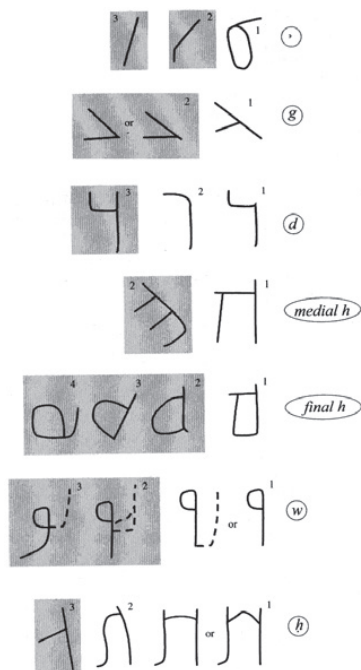

Рис. 2. Классические (на обычном фоне) и поздние (на темном фоне) формы ряда набатейских знаков (по: [15, p. 49, fig. 1])

Fig. 2. Classical (on a neutral background) and late (on a dark background) forms of some of Nabataean signs (according to: [15, p. 49, fig. 1])

Арабское письмо унаследовало от набатейского не только формы знаков, но связный способ их написания, при котором отдельные знаки (в частности *алиф* и *дāl*) соединялись только справа, как это можно наблюдать в приведенном ниже тексте.

Появление регулярного связного начертания знаков в поздненабатейском шрифте заставляет предположить, что он предназначался скорее для того, чтобы писать чернилами на мягких материалах (дерево или папирусе), чем для того, чтобы высекать надписи на скалах [14, p. 21]. Впрочем, такого рода документы пока не найдены³.

³ О происхождении арабского письма см. также: [17].

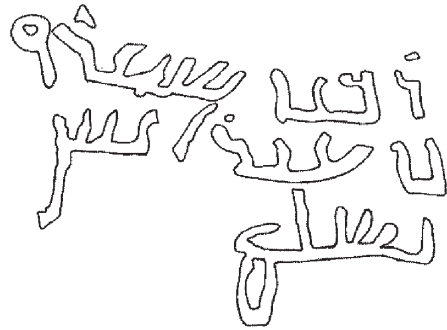
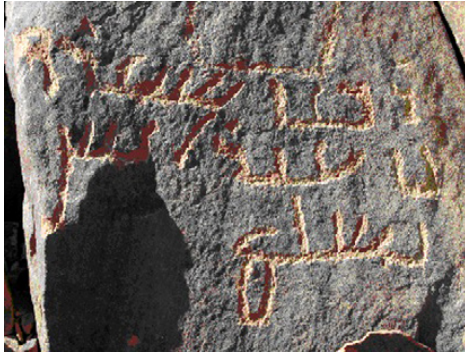

Рис. 3. Текст *Ujadh (Umm Jadhāyidh) 105* (фотография и прорисовка): *dkyr Ṣ'dw | br 'bd'yš | b-šlm* «Помянут Са'д, сын Абд-Йса, с миром» (имя отца автора текста, 'bd'yš, является сокращенной формой антропонима 'bd'yisy, означающего «Раб Исиды»; no: [15, p. 75–76, fig. 37]

Fig. 3. Text *Ujadh (Umm Jadhāyidh) 105* (photography and tracing): *dkyr Ṣ'dw | br 'bd'yš | b-šlm* “Remembered Sa'd, son of 'Abd-Is, with peace” (the name of the author's father, 'bd'yš, is an abbreviated form of the anthroponym 'bd'yisy, meaning “Slave of Isis”; according to: [15, p. 75–76, fig. 37]

Письмо у арабов поначалу выполняло специфические функции. В культуре, ориентированной на изустную передачу и сохранение информации, оно служило как бы «подсказкой» для читающего. Сразу же обратим внимание на то, что по-арабски идея чтения связана именно с рецитацией и передается глаголом *قرأ*⁴. Это роднит арабский язык, например, с еврейским, но отличает от других языков средиземноморского мира, таких, как, например, латинский или греческий⁵. Будучи «подсказкой», письмо не предполагало большого разнообразия в начертании букв. Поэтому, как уже отмечалось, ряд букв писался сходно или даже одинаково. Для различения одинаковых по начертанию символов (омографов) использовали диакритические точки (*нуқат*, ед. ч. *нуқта*), которые спорадически встречаются уже в поздненабатейском письме. Диакритику употребляли не только в надписях на камне, но и на другом материале, пергамене, а позднее на бумаге. Традиция приписывает упорядочение диакритики и систематическое введение ее в употребление всеильному наместнику Ирака и всех восточных земель Халифита при

⁴ Наиболее ярко это видно на примере коранических цитат (пер. И. Ю. Крачковского): «Читай [т.е. «произноси». – Н. С., С. Ф.]! Во имя Господа твоего, который сотворил – (2) сотворил человека из сгустка [т.е. зародыша. – Н. С., С. Ф.]. (3) Читай! И Господь твой щедрейший...» (Коран ХСVI.1–3). В то же время, когда требовалось передать идею вдумчивого чтения, а не просто рецитации, арабы использовали глагол *طالع*, что особенно наглядно прорисовывает, например, в формулах читательских записей.

⁵ В греческом языке эквивалентом этому глаголу традиционно является *ἀναγιγνώσκω*, в основе которого лежит идея познания [18, p. 60.21 cf.; 19, p. 112.3]. Чтение поздних рукописей подтверждается новейшими примерами из области разговорного языка [20, p. 285].

первых Марванидах (в 684–714 гг.) ал-Ҳаджжәджу б. Йӯсуфу [21, р. 41], который в молодости был школьным учителем. Впрочем, здесь мы, вероятно, имеем дело с легендой.

В связи с этим следует отметить, что в приведенном выше поздненабатейском тексте Ujadh 105 (рис. 3) систематически проставлена точка над *dālem*. В классическом набатейском (как и в сирийском) она служила для того, чтобы отличать *dāl* от *pā'*, но в поздненабатейском эти два знака уже не смешивались, и простановка точки была лишь данью традиции. Возможно, по образцу точки над *dālem* в поздненабатейском письме были введены точки для четкой идентификации сходных по начертанию арабских графем, передающих различные согласные. Во всяком случае, такого рода точки (правда, проставлявшиеся факультативно) отмечены уже в первом арабском датированном папирусе, восходящем к 22 г. х., и в первой арабской датированной надписи мусульманского времени (24 г. х.), а также в одной из старейших коранических рукописей, известной как Codex Parisino-petropolitanus и восходящей, очевидно, ко второй половине VII в. н. э. [22].

Процесс превращения точек из факультативного в обязательный элемент письма был длительным, чему, в частности, способствовало специфическое отношение к диакритике у пишущих. Все без исключения диакритические точки обычно ставили те, кто лишь недавно постиг азы письма. Поэтому написанное с полной диакритикой послание могло обидеть адресата, особенно если он был вышестоящим лицом [23, р. 15 (со ссылкой на Абӯ Ҳаййāна ат-Тауҳидӣ, ум. ок. 1023)]. Во избежание этого в подобных текстах диакритику проставляли лишь в тех местах, где ее отсутствие создавало очевидную двусмысленность (сравни с употреблением *ё* в современном русском и недавней дискуссией на эту тему).

Сдержанное употребление диакритических точек на ранней стадии развития арабского письма объясняется самой его природой, прежде всего, тем, что оно предназначалось для фиксации уже известных текстов. С началом ислама главным текстом стал Коран – Священное Писание этой религии, – который все образованные мусульмане и так знали наизусть. Текст священной книги заносили на пергаменные листы (*саҳифа*, мн. ч. *сухуф*), к которым обращались по мере необходимости, когда были не вполне уверены в собственной памяти. Зачастую их хранили горизонтально, в стопках. Так первоначально выглядела арабская книга. Лишь позже эти листы стали скреплять друг с другом и переплетать.

Необходимость унификации чтения Корана привела к дальнейшему развитию диакритики – появлению особых над- и подстрочных значков для передачи гласных – огласовок (*харакāt*). Вначале такие значки выглядели как разноцветные точки: красные, зеленые и золотые, последние – для передачи *хамзы* (см. ниже рис. 4, 5а, 5б), и лишь спустя некоторое время стали писаться черточками и иными знаками.

Рис. 4а. Лицевая сторона листа куфического Корана (XXX.1–6)
с диакритикой из Египта IX–X вв. (ИВР РАН, Е 4, n° 322а, fol. 2)

Fig. 4a. Folio of the Cufic Quran (30. 1–6) with diacritical signs, recto, from Egypt,
9th–10th centuries AD (IOM RAS, E 4, n° 322a, fol. 2)

Рис. 4б. Обратная сторона листа куфического Корана (XXX.1–6)
с диакритикой из Египта IX–X вв. (ИВР РАН, Е 4, n° 322а, fol. 2)

Fig. 4b. Folio of the Cufic Quran (30. 1–6) with diacritical signs, verso, from Egypt,
9th–10th centuries AD (IOM RAS, E 4, n° 322a, fol. 2)

Рис. 5а. Лицевая сторона листа кувфического Корана (X.100–XI.3) с диакритикой из Иранского Азербайджана X–XII вв. (ИВР РАН, Е 4, n° 322h)

Fig. 5a. Folio of the Cufic Quran (10.100–11.3) with diacritical signs, recto, from Iranian Azerbaijan, 11th–12th centuries AD (IOM RAS, E 4, n° 322h)

Рис. 5б. Лицевая сторона листа кувфического Корана с диакритикой из Иранского Азербайджана X–XII вв. (ИВР РАН, Е 4, n° 322h), фрагмент

Fig. 5b. Folio of the Cufic Quran with diacritical signs, recto, from Iranian Azerbaijan, 11th–12th centuries AD (IOM RAS, E 4, n° 322h), fragment

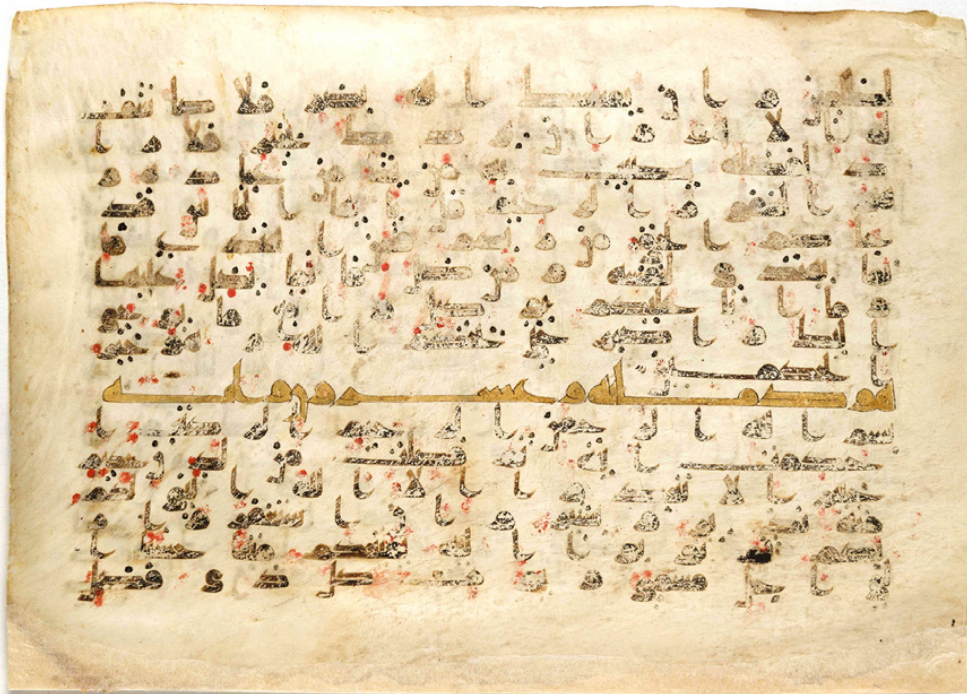

Рис. 5в. Обратная сторона листа куфического Корана (X.100–XI.3)
с диакритикой из Иранского Азербайджана X–XII вв. (ИВР РАН, Е 4, n° 322h)

Fig. 5c. Folio of the Cufic Quran (10.100–11.3) with diacritical signs, verso,
from Iranian Azerbaijan, 11th–12th centuries AD (IOM RAS, E 4, n° 322h)

Наряду с Кораном унификации требовала также запись поэтических текстов, служивших у доисламских арабов хранилищем «национальной памяти». И здесь без диакритики и огласовок было уже не обойтись, так как, помимо правильного произношения словоформ, они сохраняли размер стиха. Не случайно создателем используемой до наших дней системы огласовок и теории арабской просодии (*‘arūḍa*) был один и тот же ученый – великий арабский филолог Халил б. Ахмад (ум. ок. 790 г.), разработавший их к концу жизни. К самой же системе огласовок в полной мере применимо определение текстовых «защит», выработанное А. А. Реформатским в 1930-х гг. [24, с. 102–115]. Применительно к арабскому письму они носили особенный характер. Почти все они были связаны с орфографией и в основном направлены на подкрепление памяти как главного инструмента, призванного сохранять текст [23, р. 13–15 (со ссылкой на ал-Бирūни)]. Примечательно, что на всем протяжении существования арабской рукописной традиции осознанное нарушение этих «защит» было связано с необходимостью выделить на письме ино-

странные, неарабские слова [25, S. 373–382] и не допустить их смешения с исконно арабскими словами. Введение таких «защит», как диакритика и огласовки, явилось знаковым событием для арабской письменной культуры, так как именно они позволили употреблять арабский шрифт не только для фиксации уже имевшихся в памяти коранических текстов и произведений доисламской поэзии, но и для передачи на письме новой информации.

После перевода делопроизводства в Халифате на арабский язык на рубеже VII–VIII вв. в результате реформ марванидского халифа 'Абд ал-Малика (685–705) в качестве материала для письма наряду с пергаментом стали использовать папирус, главным образом в Египте. В мусорных кучах близ городка Афродито (Атфйх), расположенного рядом с Файйūмом, в начале XX в. были найдены арабские документы на папирусе, самые ранние из которых датируются концом I в. х.⁶ Приблизительно к этому же времени восходят попавшие в Гейдельбергский университет с каирского черного рынка и изданные Ра'ифом Георгием ал-Хурй первые арабские кодексы [28]. Они также изготовлены из папируса и содержат памятники мусульманского Священного Предания, повествующие о военных кампаниях Мухаммада (*ал-мағāзй*) и о псалмопевце, пророке и царе Давиде.

Другим ключевым событием в истории арабской рукописной традиции стало знакомство мусульман с бумагой. По преданию, это произошло после победы арабов над китайцами на реке Талас в Средней Азии в 751 г., когда в руки приверженцев ислама попали не только образцы этого материала, но и мастера, владевшие секретом его изготовления (см., например: [29, с. 296–297; 9, с. 163]). К концу VIII в. производство бумаги было налажено в Ираке. Этот носитель информации был не только относительно дешев, но и более надежен, так как затруднял подчистки и другую сознательную фальсификацию текстов. Благодаря ему арабская книга стала, в конце концов, общедоступной и, что важно, массовой. По подсчетам А. Б. Халидова, «общее количество арабских рукописей, когда-либо существовавших, оказывается близким к 5 млн», причем «ныне в мире существует около 630 тыс. арабских рукописей», две трети из которых были переписаны в период с XVII по начало XX в. [9, с. 254–255; 29, с. 307–308]. В основной своей массе эти списки представляют собой переплетенные бумажные кодексы (*маṣāḫиф*, ед. ч. *муṣḫаф*). Пять столетий правления 'Аббасидов стали «золотым веком» для арабо-мусульманской письменной традиции. Арабы достигли величайших высот в изготовлении бумажных кодексов.

Переход на бумагу, способствовавший увеличению скорости письма, а также развитие чтения «про себя», основанное на «сканировании»

⁶ См. об этом, в первую очередь: [26], а также [27, с. 440–441, 444–445].

написанного, потребовали четкого соотношения размеров «сканированного» текста и размеров почерка⁷, что, по-видимому, обусловило разнообразие арабских почерков, которых насчитывалось девятнадцать [30]. К главнейшим из них относились: *мухаққақ* «переплетенный», крупный почерк, предназначенный для переписки Коранов и отдельных каллиграфических упражнений; *райхāн* (или *райхāнī*), представлявший собой уменьшенную версию *мухаққақа*; *сулс*, использовавшийся для канцелярского письма и ставший одним из самых распространенных почерков в мусульманском мире; *насх* или «отменяющий (другие почерки)» – самый популярный почерк, получивший распространение также у персов и турок; *таукї́*, скорописный почерк, считавшийся вариантом *сулса*; *риқ’а*, уменьшенная версия *таукї́*, которой писали частные письма; *зубār* «пыль», которым писали записки для голубиной почты, амулеты маленького размера; *та’лїқ* «подвешивание», появившийся в среде персидских делопроизводителей в XI или XII вв.; *шикаста* (или *шикастай-и та’лїқ*), иранский почерк, произошедший вследствие быстрого писания почерком *та’лїқ*; *наста’лїқ*, вобравший в себя, по мнению персидских каллиграфов, все лучшее от *насха* и *та’лїқа* и ставший излюбленным почерком среди персов.

При изготовлении рукописной книги аспекты «сбалансированного» заполнения буквенными знаками бумажного пространства с целью облегчения для читателя «сканирования» слов, баланс между текстом и миниатюрами, расположением поэтических и прозаических частей и т.п. стояли в центре внимания профессиональных писцов. Именно эта сбалансированность помогала быстро читать текст и выделять из него главное. В классическом арабском отсутствует пунктуация в том виде, в каком она известна в европейском письме. Однако было бы наивным полагать, что оформители арабской книги обходили вниманием этот аспект. Важные места, требовавшие повышенного внимания читателей, выделялись определенными словами, вроде *قال* «сказал» (слово, вводящее цитату), а также многих других. В свою очередь, они выделялись цветом, а также различными знаками – тремя точками, звездочками и т.п. В ряде мест текста, особенно в тех, которые содержали библиографическую информацию, эти слова употреблялись с целью осознанного нарушения синтаксиса и стиля.

Необходимость изготавливать кодексы не только привела к унификации почерков, но также способствовала возникновению и развитию

⁷ Речь, в частности, идет о явлении, наиболее полно проявившемся в османскую эпоху: визуальной организации текстов султанских указов. Высочайшее имя было выписано большими буквами, которые было трудно прочитать «про себя» и требовалось выговорить, тогда как основной текст указа писался мелким шрифтом, который было удобно «сканировать» взглядом и таким образом понимать, о чем идет речь. Понимание текста при его произнесении, напротив, является затруднительным [23, p. 14].

такого не совсем обычного в ближневосточной практике способа изготовления книги, как ксилография⁸. Не так давно были обнаружены датированные поздним Средневековьем и происходящие с территории Османской империи деревянные доски с вырезанным на них в зеркальном отражении текстом для тиражирования амулетов.

Сама рукописная продукция средневековых арабов отличалась удивительным разнообразием. Здесь отметим лишь, что наряду с различными жанрами религиозной литературы (кораническими комментариями, сборниками *хадисов*, правовыми, философско-богословскими сочинениями и пр.) появляется светская литература, представленная жанром *адаба*, который предназначался, в первую очередь, для многочисленного аббасидского чиновничества. *Адаб*, так называемая образовательная литература, напоминала европейские «хрестоматии» в первом значении этого слова, буквально – «лучшее для заучивания». Она содержала тот набор знаний, который расширял кругозор чиновника до необходимого для исполнения своих обязанностей уровня. Этот «жанр» сочетал в себе развлекательное и поучительное, художественное и познавательное, а изящная проза перемежалась поэтическими отрывками.

Сюжетная проза с вымышленным героем появилась в арабской словесности лишь к концу X в. н. э. и породила только один жанр – *мақāму*, в котором плутовская канва сочеталась с вычурной лексикой и усложненным синтаксисом. На время правления седьмого аббасидского халифа ал-Ма'мūна (813–833) приходится начало так называемого переводческого движения⁹. Аббасидское государство столкнулось с необходимостью утвердиться как мировая культура, способная на равных соперничать с Византией и Ираном. Именно эта необходимость вызвала к жизни проект перевода на арабский язык с языков соседей (пехлеви, сирийского и – главным образом – греческого) сочинений по тем отраслям знаний, которые были необходимы для существования халифата – медицине, философии, математике, механике, астрономии и другим наукам. Финансировавшийся из халифской казны, этот проект осуществлялся в основном учеными христианами. Помимо введения в оборот на арабском языке громадного массива классических текстов, этот проект оказал решающее влияние на формирование собственно мусульманской науки и научного арабского языка, ставшего «восточной латынью».

Следует отметить, что, несмотря на появление и дальнейший рост числа арабографических рукописей, основной способ передачи знания на средневековом мусульманском Востоке продолжал по традиции оста-

⁸ См. одну из первых публикаций на эту тему: [31].

⁹ Наиболее полный обзор о нем см.: [32].

ваться устным. Ученик изучал сочинение, *услышав* его непосредственно от учителя и лишь после того, как усваивал его практически наизусть, получал от него дозволение (*иджāза*) на дальнейшую трансляцию данного произведения. Именно поэтому вплоть до XX в. карьера ученого была открыта для многих людей, ослепших еще в детстве.

Здесь нелишне привести выдержку из во многом автобиографической книги И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями»: «В крохотной деревушке на Ливане у скромного школьного учителя я обнаружил случайно полный подбор арабских национальных словарей и вообще старой и новой грамматической арабской литературы. Это еще неувидительно, так как учитель был большой любитель и знаток такого рода произведений. Однако гораздо удивительнее, что всю эту литературу он знал наизусть, и, пожалуй, самое удивительное то, что он был слеп от рождения и запомнил все эти книги на слух после прочтения ему раза два. Проверяя его в разных местах по 20-томному словарю “Лисан аль-араб” (Язык арабов), я впервые ясно понял, как слепой Абу-ль-Аля [ал-Ма`арри. – Н. С., С. Ф.] мог запомнить случайно прослушанное им письмо на неизвестном языке» [33, с. 32].

Пока число необходимых для достижения профессионального уровня трудов исчислялось несколькими десятками¹⁰, эта система работала, когда же (на заре Нового времени) их число приблизилось к сотне, она стала пробуксовывать и привела к изменению характера и особенностей традиционной мусульманской учености, которая стала акцентировать свои усилия главным образом на сохранении уже имевшихся знаний, нередко в противовес приобретению новых¹¹.

С этим можно связать появление большого числа различного рода компендиев, комментариев и супракомментариев на ставшие классическими сочинения. Большое количество комментариев – «вторичной» литературы – иллюстрирует саму концепцию знания, как ее видели на мусульманском Востоке. В отличие от византийских авторов, для мусульман знание представляло накопление материала о том или ином событии, а уже только потом критическое осмысление этого материала. Это неплохо иллюстрирует идея «причины», как ее понимали в Средние века византийские и мусульманские историографы. В основе греческого αἰτία («причина») и родственных ему слов лежала идея «исследования» (ζήτησις)¹² явления, тогда как арабское سبب («причина») обозначало

¹⁰ В конце XIX – начале XX в. студент Бухарского медресе по окончании обучения знал не более шести-семи книг, тогда как профессор знал около двух-трех десятков [34, с. 140].

¹¹ О концепции знания в исламе см.: [35].

¹² Ср., например, объяснение, приведенное Георгием Хировоском, византийским грамматиком IX в. [36, р. 90.6].

«связь вещей»¹³. Результатом этого, казалось бы, незначительного различия оказалась несопоставимая по объему трактовка одного и того же события у авторов византийского культурного круга и их мусульманских собратьев по перу. Компактному причинно-следственному объяснению события было противопоставлено изобилие фактического материала, а нередко и целые новеллы [37, с. 110; 38]. «Сохранять» текст, прибегая к традиционному приему – запоминанию, в подобных случаях становилось все труднее, если не вовсе невозможно. Появившиеся в позднее Средневековье комментарии и супракомментарии во многом определили путь, по которому пошла мусульманская наука в Новое время.

Архитектоника арабской книги

Рост арабоязычной и арабографической книжной продукции потребовал выработки систем организации написанного, равно как и для быстрого нахождения нужного текста в огромном массиве сочинений. Арабскому кодексу и его производству в различных частях мусульманского мира посвящены десятки, если не сотни монографий и статей¹⁴. Примечательно, что среди этих работ до настоящего времени не было ни одной, где бы исследовался канон арабской книги, иными словами, особенности разлиновки листа и способы заполнения разлинованных частей текстом или миниатюрами. По счастью, этот пробел был заполнен серией оригинальных статей, к сожалению, ныне уже покойного Вал. В. Полосина (1939–2014), объединившего сделанные в них выводы в обобщающей монографии [42].

За исходную точку своего исследования автор взял, казалось бы, очевидный факт, который, будучи помноженным на человеко-часы, определял в конечном счете стоимость книги – расчет материала. Однако речь идет не о количестве бумаги, кожи, чернил и т.п., а исключительно о разлиновке писчего материала. Вал. В. Полосин на основании многолетних штудий выдвинул идею о том, что в основе разлиновки лежали жесткие (хотя и неписанные) правила. Следуя им, писец получал пропорционально размеченный лист, что после нанесения на него текста обеспечивало оптимальное его размещение, а как следствие, добавим, – и максимальную визуальную доступность. Вал. В. Полосин специально останавливается на пропорциях арабских кодексов, в первую очередь таких мест, как рамка и унванная заставка [42, глава вторая]. Их значение трудно переоценить: именно здесь располагалась самая важная библиографическая информация вроде названия, имени автора, архитектоники сочинения. Как показывает исследование Вал. В. Полосина, внутри кодекса текст

¹³ والسَّبَبُ كُلُّ شَيْءٍ يُتَوَصَّلُ بِهِ إِلَى غَيْرِهِ – Ibn Manẓūr. Lisān al-‘Arab (цит. по: [<http://arabiclexicon.hawramani.com/search/سبب> дата обращения 17.04.2020]).

¹⁴ Ср. новейшие авторитетные работы: [22; 39–41].

также расположен, следуя определенным пропорциям, что позволяло, в частности, контролировать его плотность и емкость. Конкретно емкость, как можно понять из его монографии, не была постоянной на протяжении всего текста. Применение на практике методик анализа емкости и текста и архитектоники листа, выработанных Вал. В. Полосиным, позволяет видеть, как авторы научных (медицинских) сочинений сознательно «уплотняли» текст и тем самым выделяли различные по важности его части. Последнее позволяло, бегло просматривая сочинение, быстро находить в нем нужную информацию [43, WMS Arabic 418, 419].

Выводы, к которым пришел Вал. В. Полосин, изучая геометрию арабской рукописной книги, заслуживают того, чтобы быть повторенными здесь дословно. «С большим, чем для других книжных традиций основанием, – пишет он, – мы можем говорить об арабском книжном каноне не просто как о сумме статичных во времени признаков конструкции и оформления рукописной книги, а как о законе *математического или физического типа* (выделено нами. – Н. С., С. Ф.), т. к. все конструктивные решения, определявшие “лицо” арабской книги, основаны на принципах вневкижного, в сущности, происхождения. Этот принцип состоит в бесконечном, как в калейдоскопе, изыскании и переборе чертежных композиций, в которых непременно графически материализуются отношения чисел первого десятка, оказавшихся в основании арабского книжно-рукописного канона» [42, с. 263–264]. От себя добавим, что, по-видимому, эти законы были выведены спонтанно и во многом неосознанно, так как во всей арабской литературе, посвященной методике изготовления книги, пока не удалось обнаружить ни одного сочинения, в котором эти правила были бы изложены или объяснены с дидактической целью. Не исключено, впрочем, что они специально не разглашались.

Арабская книга: библиографическое описание текста

Чтобы ориентироваться в «море» написанного на арабском языке как арабами, так и неарабами, уже к концу IX в. н. э. потребовались специальные механизмы. Наряду с эстетически совершенным оформлением текста (что достигалось, как было сказано выше, следованием правилам каллиграфии и архитектоники оформления листа), к этому времени спонтанно выработался и другой механизм, который позволял в книжном «море» достаточно быстро найти нужный текст. Речь здесь идет о так называемом «виртуальном каталоге» сочинений, в основе которого, как и в основе всякого иного каталога, лежала определенная классификация.

Античная классификация наук, которую арабы, как видится, во многом позаимствовали у греков, как уже отмечалось в ученой литературе, была одновременно и библиотечной классификацией [44, с. 22, 52]. Наряду с крупнейшими философами Платоном и Аристотелем на становление библиотечной классификации и особенно библиотечного катало-

га как инструмента, в основе которого лежала эта классификация, оказал также библиотекарь Александрийской библиотеки Каллимах Киренский (ок. 310 – ок. 240 гг. до н. э.). Именно ему приписывают создание двух-частного названия произведения. Античные авторы изначально нередко вовсе не давали заглавий своим сочинениям, поэтому Каллимаху, ведавшему, в частности, перепиской и поступлением в Александрийскую библиотеку новой литературы, приходилось самому их конструировать. Сконструированные им названия состояли из первого слова, с которого начиналось сочинение, за которым через союз *или* шло слово, описывавшее его содержание. Таким образом, название становилось чем-то сродни библиотечному шифру. По первому компоненту такие названия позволяли организовывать библиотечную коллекцию в алфавитном порядке, а по второму – тематически. Каталог Каллимаха носил название Πίνακες, что, как показывают новейшие исследования [45, с. 48–56], означало «биобиблиографию».

Названия арабских сочинений при ближайшем рассмотрении оказываются сродни греческим. Прежде всего, как и их греческие прототипы, они кажутся бессмысленными, в самом деле, они плохо поддаются переводу. Как и греческое, арабское название также часто состоит из двух частей, которые, правда, соединяются предлогом *фй*. В 1990-х гг. ученые пришли к выводу, что этот предлог надлежит переводить не буквально «в», как его пытались перевести в течение нескольких столетий, но «о», «об» или «относительно» [46]. Непонятные названия арабских сочинений сразу приобрели смысл, так как слова, следующие за предлогом *фй*, получалось, описывали их тематику. Первые же части названий, часто содержащие слова вроде «сады», «луга», «капли», «жемчужины» и т.п., тем не менее оставались без объяснений. А. Б. Халидов определил их как «трескучие» и «многословные»¹⁵, а А. Амброз, соглашаясь с А. Б. Халидовым, предпочитал видеть в них образчики литературной деятельности арабов. На самом деле эти слова указывали на характер отбора и детальность изложения самого материала. Они являлись, выражаясь на европейский манер, определителями «жанров». Поэтому арабское название оказывалось сродни европейскому библиотечному шифру, который невозможно перевести ни на какой язык, но возможно истолковать. К примеру, название многотомного труда Авиценны *ал-Канун фй-т-Тибб*, которое традиционно переводят на русский язык как «Канон врачебной науки», на самом деле сообщает образованному читателю, что он держит в руках сочинение о медицине, написанное в жанре «Канона», т.е. «фундаментального труда».

¹⁵ Ср.: «Излюбленным типом названий стали рифмованные, иногда и ритмизованные, с соразмерными словами и созвучными окончаниями, с синтаксическими повторами» [9, с. 149].

А. Б. Халидов подходит к арабским названиям с европейских позиций. Основываясь на них, он, в частности, утверждает, что «название – важнейший индивидуализирующий элемент сочинения, которое по нему и опознают» [9, с. 147]. Впрочем, далее он противоречит себе, справедливо отмечая общие слова, или «штампы», которые использовались при составлении названий [9, с. 148]. Уже само слово «штамп» говорит о том, что в действительности, в отличие от европейской практики, название арабского сочинения как раз не являлось его уникальным идентификатором. По-видимому, составление названий даже не было исключительной прерогативой автора. Наряду с авторами, названия-«шифры» могли давать сочинениям библиотекари, писцы и даже владельцы [47]. Поэтому явление почти невозможное в Западной Европе, когда несколько различных сочинений имели одно название или когда одинаковые сочинения назывались по-разному, сплошь и рядом встречается в арабской традиции.

В X в. н. э. крупнейший арабский библиограф Ибн ан-Надйм предпринял реформу арабского названия, включив в него также имя автора [48]. Арабское название получило возможность быть сокращенным без ущерба для дела, что со временем послужило причиной для выработки «обрезных названий», которые использовались, в частности, в библиотеках для расстановки книг. Стандартизированные названия, использовавшие так называемую нормированную лексику, с течением времени сами собою породили как бы всеобщий арабский «виртуальный каталог». Он, в частности, позволял группировать сходные по тематике сочинения, словом, делать то, что делает сейчас предметный библиотечный каталог. Более того, так как «нормированность» лексики названий зиждилась на опыте и традиции и не была зафиксирована в виде таблиц (как это имеет место в наши дни), библиографические единицы группировались не по предметам исследования, а по отраслям знаний, что делало «виртуальный» каталог сродни современному систематическому библиотечному каталогу. Последнее позволяло средневековому пользователю более свободно ориентироваться в изучаемой отрасли знания и нередко усматривать ее связь с другими (смежными) отраслями.

Наличие «виртуального» каталога объясняет интересное явление: даже если сочинение было написано не по-арабски, оно все равно несло арабское заглавие и нередко имело арабское вступление, заключение и колофон. Эти компоненты автоматически включали его в корпус всего написанного в арабском культурном ареале, нередко независимо от вероисповедания или национальности пишущего.

Арабский язык широко использовали как мусульмане, так и представители иных конфессий, в частности – иудеи и христиане. Христианская арабская литература, будучи, бесспорно, феноменом мировой культуры, до последнего времени не получала четкого определения. Действительно,

какие сочинения надлежало к ней относить: те, которые были написаны христианами, или те, в которых шла речь о христианских «материях», например вероучении, литургике и т.п.? А как быть с сочинениями арабов-христиан, которые по факту стали феноменом арабской мусульманской культуры, например «Диван» ал-Ахтала?

По счастливому стечению обстоятельств ответ на этот вопрос нашелся в сочинениях маронитского патриарха XVIII в. Гавриила Германа Фархата (1670–1732). К XVIII в. в арабоязычных литературах Ближнего Востока сочинения открывались двумя типами *муқаддим* (введений), которые можно определить как «мусульманский» и «христианский». Метаязык («нормированная» лексика), который традиционно использовался для написания заглавий и введений к мусульманским сочинениям, позволял конструировать названия, которые легко встраивали сочинение в исторически сложившийся «виртуальный каталог» написанного. Метаязык, на котором были написаны введения в христианской арабской среде, нередко был совершенно иным, так как авторы сочинений традиционно ориентировались на византийские образцы. Поэтому в арабоязычном библиотечном мире Средневековья обе отмеченные традиции существовали, не пересекаясь, в продолжение многих столетий.

Именно введение и название могут считаться важным критерием, на основании которого сочинение может быть отнесено к мусульманской или христианской литературе. Фархат, будучи библиофилом и библиотекарем, в своих сочинениях предложил организовывать введения к христианским текстам на мусульманский манер, но при этом сохранять их христианское наполнение. Будучи построенными таким образом, введения к христианским сочинениям сообщали читателю тот же набор информации, что и введения к сочинениям мусульманским, и, следовательно, могли быть отнесенными к соответствующему классу и / или разряду, т. е., иными словами, оказывались встроенными в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы [49].

Введение (*муқаддима*), о котором только что шла речь, к арабскому сочинению представляет собою как бы «библиографическую карточку», которой достаточно, чтобы ознакомить читателя с сочинением. Действительно, *басмала* (воззвание к имени Всевышнего) указывает на вероисповедание пишущего, *тахмид* – на тематику произведения¹⁶, перечень глав – на организацию текста (название глав и разделов), а следующее за словами *ва-саммайту-ху* название – на место, отведенное автором сочинения своему труду в библиотечном каталоге, книжном шкафу и т. п. Да и само сочинение вводилось словами *ва-саммайту-ху*,

¹⁶ Построенное по матрице «слава Господу, который сделал то-то и то-то» славословие содержало одно, а чаще несколько прямых дополнений, которые передавали содержание книги и играли роль предметного рубрикатора.

которые надлежит переводить не традиционно «я назвал его (сочинение) так-то», но как «я отнес его к такому-то разряду».

Получившийся в результате усилий многих поколений писателей «виртуальный каталог» арабской литературы, как уже говорилось выше, напоминал тот тип каталога, который спустя много столетий определяют как систематический библиотечный каталог. В отличие от предметного или алфавитного, библиографические записи располагаются в нем по отраслям знаний. Для алфавитного поиска в настоящее время для такого каталога используют алфавитный указатель. Арабская средневековая книжная культура располагала похожими инструментами, среди которых на первое место выходят биографические словари, по выражению новейшего историка, «уникальное явление арабской культуры» [50], и алфавитные библиографии вроде знаменитого *Кашф аз-Зунун* османского автора XVII в. Хаджи Халифы.

Муқаддима – «библиографическая карточка» арабского сочинения, как правило, занимала унванный разворот и редко выходила за его рамки. Необходимость разместить «библиографическую карточку» таким образом, чтобы ее можно было охватить взглядом, вероятно, была причиной того, что текст сочинения начинался чаще всего на оборотной стороне первого листа, на что указал в своей работе Вал. В. Полосин [42, с. 77 и сл.].

Заключение. Художественное оформление арабской рукописной книги

О многообразии арабографичной рукописной традиции написано достаточно. Отечественные и заграничные ученые знают, что в полной мере оно отражено в так называемом мусульманском фонде (правильнее – Фонде рукописей арабской графики) ИВР РАН, являющемся одним из крупнейших и ценнейших в мире и насчитывающем без малого 10 000 томов (9821 по состоянию на февраль 1983 г.). Его основу составила уникальная по богатству (прежде всего, в отношении художественного оформления) коллекция рукописей потомственного французского ювелира и дипломата Жана-Батиста Луи Жака (Жозефа) Руссо (1780–1831), приобретенная российским правительством по инициативе графа С. С. Уварова для только что созданного Азиатского музея двумя партиями, в 1819 г. (484 рукописи и 16 старопечатных книг арабского письма) и в 1825 г. (ок. 200 рукописей). Однако уже к этому времени в Азиатском музее находилось не менее 100 арабографичных списков. В дальнейшем их число неуклонно росло благодаря дарам дипломатов и путешественников, целевым закупкам, военным трофеям и пр., достигнув к 1845 г. 901 единицы хранения, к 1878 г. – 1364, к 1917 г. – более 5200. Особо следует отметить бухарскую коллекцию

(ок. 1100), переданную в 1915 г. В. А. Ивановым, и ванскую коллекцию (1279), поступившую в 1916 г. с Кавказского фронта.

В 1919 г. существенным пополнением собрания Азиатского музея стали 527 списков из Учебного отделения МИД и 41 арабо-христианская рукопись из библиотеки Зимнего дворца, попавшая в Россию в 1913 г. в составе дара Антиохийского патриарха Григория IV ал-Хаддāда Николаю II. 1202 рукописи, привезенные из Поволжья археографической экспедицией в 1934 г., одно время считали чуть ли не «засорением» коллекции, пока к началу XXI в., в немалой степени в связи с переходом на преимущественно кодикологический подход к изучению рукописей¹⁷, экстремизм и однобокость подобной точки зрения не стали очевидны.

Литература

1. Сериков Н. И., Французов С. А. Арабская книжная культура. В: Попова И. Ф., Притула А. Д., Ямпольская Н. В. (ред.). *Кисть и калам. 200 лет коллекции Института восточных рукописей. Каталог выставки*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2018. С. 102–106.

2. Robin Ch. J. Les plus anciens monuments de la langue arabe. In: Robin Ch. J. (ed.). *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence: Éditions Édisud; 1991. P. 113–125.

3. Белова А. Г. *Историческая морфология арабского языка. По материалам памятников доисламского периода*. М.: Восточная литература; 1994.

4. André-Salvini B. et al. (eds). *Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du Royaume d'Arabie Saoudite. Paris, musée du Louvre. 14 juillet – 27 septembre 2010. Album de l'Exposition*. Paris: Somogy éditions d'art; Louvre éditions; 2010.

5. Al-Ghabban A. I. et al. (eds). *Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia*. Paris: Somogy éditions d'art; Louvre editions; 2010.

6. Пиотровский М. Б. (ред.). *Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии. Каталог выставки*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2011.

7. Пигулевская Н. В. *Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.* М., Л.: Наука; 1964.

8. Endress G. Die arabische Schrift. In: von Fischer W. (Hrsg.). *Grundriß der Arabischen Philologie*. Bd I: *Sprachwissenschaft*. Wiesbaden; 1982. S. 165–209.

9. Халидов А. Б. *Арабские рукописи и арабская рукописная традиция*. М.: Наука; ГРВЛ; 1985.

10. Starcky J. Pétra et la Nabatène. In: Pirot L., Robert A., Cazelles H., Feuillet A. (eds). *Supplément au Dictionnaire de la Bible*. Paris: Letouzey & Ané éditeurs; 1966. T. 7. Col. 886–1017.

11. Troupeau G. Réflexions sur l'origine syriaque de l'écriture arabe. In: Kaye A. S. (ed.). *Semitic Studies in honor of Wolf Leslau. On the occasion of his eighty-*

¹⁷ О формировании археографического собрания Азиатского музея – ИВ РАН см. подробнее: [51].

fifth birthday November 14th, 1991. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1991. Vol. 2. P. 1562–1570.

12. Robin Ch. J. Les écritures de l'Arabie avant l'islam. In: Robin Ch. J. (ed.). *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence: Éditions Édisud; 1991. P. 127–137.

13. Briquel-Chatonnet F. De l'araméen à l'arabe: quelques réflexions sur la genèse de l'écriture arabe. In: Déroche Fr., Richard Fr. (ed.). *Scribes et manuscrits du Moyen-Orient*. Paris: Bibliothèque nationale de France; 1997. P. 136–149.

14. Macdonald M. C. A. Ancient Arabia and the written word. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010. P. 5–27.

15. Nehmé L. A glimpse of the development of the Nabataean script into Arabic based on old and new epigraphic material. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010. P. 47–88.

16. Robin Ch. J. Introduction – The development of Arabic as a written language. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010. P. 1–3.

17. Французов С. А. Памятники арабской письменности. Происхождение арабского письма. В: Большаков А. О., Степанова Е. В. (ред.). «Звучат лишь письмена...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2012. С. 436–437, 496–503.

18. Fahd T. T. *Artāmīdūrus al-Afsusī*. Kitāb ta'bir al-ru'yā. Damas: Institut français de Damas, 1964.

19. Pack R.A. (ed.). *Artemidori Daldiani Onirocriticon Libri V*. Lipsiae: Teubner, 1963 (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1060).

20. Thalassinos A., Samuel K. *Θαλασσινός Αρτ., Σαμουήλ Κ. Λεξικόν άράβο-έλληνικόν*. Beyrouth: Libraire du Liban ; 1990 (1950).

21. Dietrich A. al-Ḥadjdjād b. Yūsuf. In: *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden: E. J. Brill; London: Luzac & Co.; 1986. T. 3. P. 39–41.

22. Déroche R. *La transmission écrite du Coran dans les débuts de l'islam: le Codex parisino-petropolitanus*. Leiden: Koninklijke Brill NV; 2009.

23. Serikoff N. (ed.). *Islamic Calligraphy from the Wellcome Library*. Chicago: The Wellcome Trust Centre for the History of Medicine at UCL; Serindia Publications; 2007.

24. Реформатский А. А., [Каушанский М. М.]; Вейс Д. Л. (ред.). *Техническая редакция книги. Теория и методика работы*. М.: Гос. изд-во легкой промышленности; 1933.

25. Serikoff N. Mistakes and Defences. Foreign (Greek) words in Arabic and their visual recognition. In: Jokisch B., Rebstock U., Conrad L. I. (Hrsg.). *Fremde, Feinde und Kurioses: Innen- und Außenansichten unseres muslimischen Nachbarn*. Berlin, NewYork: de Gruyter; 2009. S. 373–382.

26. Беляев В. И. Собрания арабских папирусов в Москве и Ленинграде. В: Крачковский И. Ю. (ред.). *Труды второй сессии Ассоциации арабистов, 19–23 октября 1939 г.* М., Л.: Изд-во АН СССР; 1941. С. 71–80.

27. Полосин Вал. В. [Арабоязычные материалы Н. П. Лихачева]. В: Большаков А. О., Степанова Е. В. (ред.). *«Звучат лишь письма...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки.* СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2012. С. 440–441, 444–448.

28. Houry R. G. *Wahb b. Munabbih*. Teil 1: Der Heidelberger Papyrus PSR Heid Arab 23. Leben und Werk des Dichters. Teil 2: Faksimiletafeln. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1972.

29. Халидов А. Б. Книжная культура. В: Большаков О. Г. (ред.). *Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М.: Наука; ГРВЛ; 1982. С. 215–310.

30. Сериков Н. И. Памятники арабской письменности. Развитие арабского письма: многообразие рукописных шрифтов (почерков). В: Большаков А. О., Степанова Е. В. (ред.). *«Звучат лишь письма...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки.* СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; 2012. С. 438–441.

31. Bulliet R. W. Medieval Arabic *ṭarsh*: a forgotten chapter in the history of printing. *Journal of the American Oriental Society*. 1987;197(3):427–438. DOI: [10.2307/603463](https://doi.org/10.2307/603463).

32. Gutas D. *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early 'Abbāsid Society (2nd–4th/8th–10th Centuries)*. London; 1998.

33. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. В: Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения.* М., Л.: Изд-во АН СССР; 1955. Т. 1. С. 15–148.

34. Айни С. *Бухара. Т. 1. Воспоминания.* Душанбе: Ирфон; 1980.

35. Rosenthal F. *Knowledge Triumphant: the concept of knowledge in medieval Islam.* Leiden, Boston: Brill; 2007.

36. Gaisford Th. (ed.). *Georgii Choerobosci Dictata in Theodosii Canones, necnon Epimerismi in Psalmos.* Oxonii: E Typographeo academico; 1842.

37. Сериков Н. И. *Древняя история в византийской и арабо-мусульманской анналистике: дис. ... канд. ист. наук.* Л.; 1988.

38. Лебедев В. В. Мусульманская проповедь и арабский фольклор. В: Ким Г. Ф. и др. (ред.). *Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма: материалы Бартольдовских чтений, 1982 г.* М.: Наука; ГРВЛ; 1985. С. 129–133.

39. Déroche Fr. The codex Parisino-petropolitanus and the *ḥijāz* scripts. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009.* Oxford: Archaeopress; 2010. P. 113–119.

40. Gacek A. *The Arabic Manuscript Tradition. A Glossary of Technical Terms and Bibliography.* Leiden, Boston, Koeln: Brill: 2001.

41. Gacek A. *The Arabic Manuscript Tradition. A Glossary of Technical Terms and Bibliography. Supplement.* Leiden, Boston, Koeln: Brill; 2008.

42. Полосин Вал. В. *Невербальная информация в арабских рукописях. Очерки средневековой книжной культуры*. СПб.: Президентская библиотека; 2016.

43. Serikoff N. *Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Ḥaddād Collection (WMS Arabic 401–487)*. Leiden, Boston: Brill; 2005.

44. Шамурин Е. И. *Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации*. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты; 1955. Т. 1.

45. Сериков Н. И. Что означает заглавие сочинения Ибн ан-Надима Китаб ал-фихрист? Об одной неизвестной греческо-арабской параллели. В: Дзевановский-Петрашевский В. М. (ред.). *Подарок ученым и утешение просвещенным. Сборник статей, посвященный 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой*. СПб.: Петербургское востоковедение; 2016. С. 41–61.

46. Ambros A. Beobachtungen zu Aufbau und Funktion des gereimten klassisch-arabischen Buchtitels. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1990;80:13–57.

47. Serikoff N. Beobachtungen über die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Büchersammlungen. In: Goerke A., Hirschler K. (eds). *Manuscript Notes as Documentary Sources*. Würzburg: Ergon Verlag; 2011. S. 163–171.

48. Сериков Н. И. Почему Ибн ан-Надим взялся за составление «Китаб ал-Фихрист»? В: Седов А. В. (ред.). *Исследования по Аравии и исламу. Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского*. М.: ГМБ; 2014. С. 456–473.

49. Сериков Н. И. Маронитский писатель Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы. *Orientalistica*. 2020;3(1):143–159. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159.

50. Khalidi T. Islamic biographical dictionaries. A preliminary assessment. *The Muslim World*. 1973;63(1):53–65. DOI: 10.1111/j.1478-1913.1973.tb03104.x.

51. Акимушкин О. Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Института востоковедения АН СССР. В: Гирс Г.Ф. и др. (ред.). *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1978–1979*. М.: Наука; ГРВЛ; 1987. С. 9–27.

References

1. Serikoff N. I., Frantsouzoff S. A. Arabic Manuscript Culture. In: Popova I. F., Pritula A. D., Yampolskaya N. V. (eds). *Brush and qalam: 200 years of the collection of the institute of oriental manuscripts: exhibition catalogue*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; 2018, pp. 102–106. (In Russ.)

2. Robin Ch. J. Les plus anciens monuments de la langue arabe. In: Robin Ch. J. (ed.). *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence: Éditions Édisud; 1991, pp. 113–125.

3. Belova A. G. *Historical morphology of the Arabic language. (Based on texts from the pre-Islamic period)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1994. (In Russ.)

4. André-Salvini B. et al. (eds). *Routes d'Arabie. Archéologie et histoire du Royaume d'Arabie Saoudite. Paris, musée du Louvre. 14 juillet – 27 septembre 2010. Album de l'Exposition*. Paris: Somogy éditions d'art; Louvre éditions; 2010.

5. Al-Ghabban A. I. et al. (eds). *Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia*. Paris: Somogy éditions d'art; Louvre editions; 2010.

6. Piotrovsky M. B. (ed.). *Ways of Arabia. Archaeological treasures of Saudi Arabia. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; 2011. (In Russ.)

7. Pigulevskaya N. V. *Arabs at the borders of Byzantium and Iran in the 4th – 6th cent.* Moscow, Leningrad: Nauka; 1964. (In Russ.)

8. Endress G. Die arabische Schrift. In: von Fischer W. (Hrsg.). *Grundriß der Arabischen Philologie*. Bd I: *Sprachwissenschaft*. Wiesbaden; 1982. S. 165–209.

9. Khalidov A.B. *Arabic manuscripts and Arabic manuscript tradition*. Moscow: Nauka; GRVL; 1985. (In Russ.)

10. Starcky J. Pétra et la Nabatène. In: Pirot L., Robert A., Cazelles H., Feuillet A. (eds). *Supplément au Dictionnaire de la Bible*. Paris: Letouzey & Ané éditeurs; 1966. Vol. 7, col. 886–1017.

11. Troupeau G. Réflexions sur l'origine syriaque de l'écriture arabe. In: Kaye A. S. (ed.). *Semitic Studies in honor of Wolf Leslau. On the occasion of his eighty-fifth birthday November 14th, 1991*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1991. Vol. 2, pp. 1562–1570.

12. Robin Ch. J. Les écritures de l'Arabie avant l'islam. In: Robin Ch. J. (ed.). *L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions*. Aix-en-Provence: Éditions Édisud; 1991, pp. 127–137.

13. Briquel-Chatonnet F. De l'araméen à l'arabe: quelques réflexions sur la genèse de l'écriture arabe. In: Déroche Fr., Richard Fr. (ed.). *Scribes et manuscrits du Moyen-Orient*. Paris: Bibliothèque nationale de France; 1997, pp. 136–149.

14. Macdonald M. C. A. Ancient Arabia and the written word. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010, pp. 5–27.

15. Nehmé L. A glimpse of the development of the Nabataean script into Arabic based on old and new epigraphic material. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010, pp. 47–88.

16. Robin Ch. J. Introduction – The development of Arabic as a written language. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010, pp. 1–3.

17. Frantsouzzoff S. A. Arabic written sources. The Origin of the Arabic Letter. In: Bolshakov A. O., Stepanova E. V. (eds). *"In written words alone ..." On the 150th anniversary of the birth of Academician Nikolai Petrovich Likhachev. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; 2012, pp. 436–437, 496–503. (In Russ.)

18. Fahd T. T. *Artāmīdūrus al-Afsusī. Kitāb ta'bīr al-ru'yā*. Damas: Institut français de Damas, 1964.

19. Pack R.A. (ed.). *Artemidori Daldiani Onirocriticon* Libri V. Lipsiae: Teubner, 1963 (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1060).

20. Thalassinos A., Samuel K. *Θαλασσινός Αρτ., Σαμουήλ Κ. Λεξικόν ἀράβο-ἐλληνικόν*. Beyrouth: Libraire du Liban ; 1990 (1950).

21. Dietrich A. al-Ḥadždjād b. Yūsuf. In: *The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Leiden: E. J. Brill; London: Luzac & Co.; 1986. T. 3. P. 39–41.
22. Déroche R. *La transmission écrite du Coran dans les débuts de l'islam: le Codex parisino-petropolitanus*. Leiden: Koninklijke Brill NV; 2009.
23. Serikoff N. (ed.). *Islamic Calligraphy from the Wellcome Library*. Chicago: The Wellcome Trust Centre for the History of Medicine at UCL; Serindia Publications; 2007.
24. Reformatsky A. A., [Kaushansky M. M.]; Weiss D. L. (ed.) *Technical edition of the book. Theory and Methods*. Moscow: Gosudarstvenno izdatelstvo legkoi promyshlennosti; 1933. (In Russ.)
25. Serikoff N. Mistakes and Defences. Foreign (Greek) words in Arabic and their visual recognition. In: Jokisch B., Rebstock U., Conrad L. I. (Hrsg.). *Fremde, Feinde und Kurioses: Innen- und Außenansichten unseres muslimischen Nachbarn*. Berlin, New York: de Gruyter; 2009. S. 373–382.
26. Belyaev V. I. Collections of Arabic papyri in Moscow and Leningrad. In: Krachkovsky I. Yu. (ed.). *Proceedings of the second session of the Association of Arabists, October 19–23, 1939*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1941, pp. 71–80. (In Russ.)
27. Polosin Val. V. N.P. Likhachev's collection of Arabic materials. In: Bolshakov A. O., Stepanova E. V. (eds). *"In written words alone ..." On the 150th anniversary of the birth of Academician Nikolai Petrovich Likhachev. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; 2012, pp. 440–441, 444–448. (In Russ.)
28. Houry R. G. *Wahb b. Munabbih*. Teil 1: Der Heidelberger Papyrus PSR Heid Arab 23. Leben und Werk des Dichters. Teil 2: Faksimiletafeln. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1972.
29. Khalidov A. B. Book culture. In: Bolshakov O. G. (ed.). *Essays on the history of Arab culture of the 5th – 15th centuries*. Moscow: Nauka; GRVL; 1982, pp. 215–310. (In Russ.)
30. Serikoff N. I. Arabic written sources. The development of Arabic script: variants of Arabic handwritten fonts. In: Bolshakov A. O., Stepanova E. V. (eds). *"In written words alone ..." On the 150th anniversary of the birth of Academician Nikolai Petrovich Likhachev. Exhibition catalogue*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; 2012, pp. 438–441. (In Russ.)
31. Bulliet R. W. Medieval Arabic ṭarsh: a forgotten chapter in the history of printing. *Journal of the American Oriental Society*. 1987;197(3):427–438. DOI: [10.2307/603463](https://doi.org/10.2307/603463).
32. Gutas D. *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early 'Abbāsīd Society (2nd–4th/8th–10th Centuries)*. London; 1998.
33. Krachkovsky I. Yu. Reading the Arabic manuscripts. In: Krachkovsky I. Yu. (ed.). *Selected Works*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1955. Vol. 1, pp. 15–148. (In Russ.)
34. Aini. S. *Bukhara*. Vol. 1. *Memoirs*. Dushanbeh: Irfon; 1980. (In Russ.)
35. Rosenthal F. *Knowledge Triumphant: the concept of Knowledge in medieval Islam*. Leiden, Boston: Brill; 2007.
36. Gaisford Th. (ed.). *Georgii Choerobosci Dictata in Theodosii Canones, necnon Epimerismi in Psalmos*. Oxonii: E Typographeo academico; 1842.

37. Serikoff N. I. *The Ancient history in the Byzantine and Arab-Muslim Annal Historiography. Diss. ... Ph. D. (hist.)*. Leningrad; 1988. (In Russ.)

38. Lebedev V. V. Muslim preaching and Arabic folklore. In: Kim G. F. et al. (eds). *Clergy and political life in the Near and Middle East during the period of feudalism: Proceedings of the W. Barthold Readings, 1982*. Moscow: Nauka; GRVL; 1985, pp. 129–133. (In Russ.)

39. Déroche Fr. The codex Parisino-petropolitanus and the ḥijāz scripts. In: Macdonald M. C. A. (ed.). *The Development of Arabic as a Written Language. Papers from the Special Session of the Seminar for Arabian Studies held on 24 July, 2009*. Oxford: Archaeopress; 2010, pp. 113–119.

40. Gacek A. *The Arabic Manuscript Tradition. A Glossary of Technical Terms and Bibliography*. Leiden, Boston, Koeln: Brill: 2001.

41. Gacek A. *The Arabic Manuscript Tradition. A Glossary of Technical Terms and Bibliography. Supplement*. Leiden, Boston, Koeln: Brill; 2008.

42. Polosin Val. V. *Non-verbal information in Arabic manuscripts. Essays on medieval book culture*. St Petersburg: Prezidentskaya biblioteka; 2016. (In Russ.)

43. Serikoff N. *Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Ḥaddād Collection (WMS Arabic 401–487)*. Leiden, Boston: Brill; 2005.

44. Shamurin E. I. *Essays on the history of library and bibliographic classification*. Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palaty; 1955. Vol. 1. (In Russ.)

45. Serikoff N. I. What does mean the title *Kitab al-Fihrist* by Ibn al-Nadim? Regarding one unknown Greek-Arabic parallel. In: Dzevanovsky-Petrashevsky V. M. (ed.). *Gift to scholars and consolation to the enlightened. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of Professor Anna Arkadyevna Dolinina*. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2016, pp. 41–61. (In Russ.)

46. Ambros A. Beobachtungen zu Aufbau und Funktion des gereimten klassisch-arabischen Buchtitels. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1990;80:13–57.

47. Serikoff N. Beobachtungen über die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Büchersammlungen. In: Goerke A., Hirschler K. (eds). *Manuscript Notes as Documentary Sources*. Würzburg: Ergon Verlag; 2011. S. 163–171.

48. Serikoff N. I. Why did Ibn al-Nadim undertake the compilation of the *Kitab al-Fihrist*? In: Sedov A. V. (ed.). *Studies on Arabia and Islam: Articles in honor of the 70th anniversary of Mikhail Borisovich Piotrovsky*. Moscow: GMV; 2014, pp. 456–473. (In Russ.)

49. Serikoff N. I. Maronite writer Jibrīl Jarmanus Farhat (1670–1732) and his attempts to include the works of Christian Arab authors in the “virtual catalogue” of Arabic Muslim literature. *Orientalistica*. 2020;3(1):143–159. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159).

50. Khalidi T. Islamic biographical dictionaries. A preliminary assessment. *The Muslim World*. 1973;63(1):53–65. DOI: [10.1111/j.1478-1913.1973.tb03104.x](https://doi.org/10.1111/j.1478-1913.1973.tb03104.x).

51. Akimushkin O. F. On the history of the formation of the Muslim manuscripts collection at the Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences. In: Girs G.F. et al. (eds). *Written Sources of the East. Research on history and language. Annual 1978–1979*. Moscow: Nauka; GRVL; 1987, pp. 9–27. (In Russ.)

Сериков Н. И., Французов С. А. Традиции арабской рукописной книги:
шрифт, архитектура текста и его библиографическое описание
Ориенталистика. 2020;3(3):591–618

Информация об авторах

Сериков Николай Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, член редакционной коллегии журнала «Ориенталистика», г. Москва, Российская Федерация.

Французов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН; профессор кафедры семитологии и гебраистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Департамента востоковедения и африканистики НИУ Высшая школа экономики, член редакционной коллегии журнала «Ориенталистика», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 декабря 2019 г.
Одобрена рецензентами: 17 января 2020 г.
Принята к публикации: 2 февраля 2020 г.

Information about the authors

Nikolaj I. Serikoff, Ph. D. (Hist.), Senior research fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Moscow, Russian Federation.

Serge A. Frantsouzoff, Ph. D. habil. (Hist.), Ass. Professor, Head of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Hebrew studies and Sematology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University; Professor of the Department of Asian and African Studies, National Research University Higher School of Economics, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Saint Petersburg, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Article info

Received: December 29, 2019
Reviewed: January 17, 2020
Accepted: February 2, 2020